

Е. В. Морозова

Образ арфы в лирике Г. Р. Державина

В своем трактате «Рассуждение о лирической поэзии» Гаврила Романович Державин писал: «Любителям изящных художеств известно, что поэзия и музыка есть разговор сердца; что ищут они побед единственно над сердцами таким образом, когда нежные струны их созвучностию своею в них отзываются» (VII, 571). В его сердце сильнее всего «созвучностию своею» отзывались «нежные струны» арфы. К ее образу Державин обратился в своем творчестве около сорока раз.

Как истинный любитель музыки¹, он мастерски описывает многообразии звучания этого музыкального инструмента, используя все виды эпитетов. Арфа у Державина может быть «звонкострунная», «звончатая», «звучная», «громкая», «сладкогласная», «сладкострунная», «сладкозвучная», «тихогласная», «тихострунная», «ветхострунная», «доброгласная», «нежная», «небесная», «златая». Она «звенит», «раздается», «утешает», «нежно трогает слух», «гремит», «будит», «стонет и жалуется», «шумит, бушует, шепчет»; издает «протяжные и тихи звуки», «громкие и тихозвучные», «скорбные», «высокие и страшные», «божественные тоны»; ее глас «волшебный», «сильный».

Первоначально арфа (от нем. Harfe), известная в простейшем виде у многих народов, была сугубо мужским музыкальным инструментом. В античной мифологии ее освоили и женские персонажи.

В руках разных исполнителей она по-разному звучит и по-разному проявляет свою чудесную силу.

Златая арфа Аполлона, которая была в Древней Греции символом прекрасного и возвышенного, заставляет бессмертных богов, забыв веселье и пиры, «в молчанье внимать ее звукам» («Первая песнь Пиндара

пифическая», 1800). «Огонь быстрый, вечный, вседержащий» ее струн при вступлении хора может «молнии потушить» (II, 329–332).

Арфа Амфиона, сына Зевса и Антиопы, упоминаемая поэтом в «Послании к великой княгине Екатерине Павловне», своим звучанием заставляет укладываться рядами камни при строительстве стен в Фивах:

Фив стены арфою возвысил Амфион,
Свирелью век золотой свел с неба Аполлон (III, 529).

Необычно звучит арфа под «резвыми перстами» музы эпической поэзии Каллиопы («К Каллиопе», 1792):

Как гибкий при морях тростник
От порханья звенит зефиров,
Далеким вторясь шумом волн <...> (I, 505).

Иную мелодию, «воспылав небесным жаром», создает на своей «золотой» арфе муза лирической поэзии Эрато («Любителю художеств», 1791):

Ее белорумяны персты
По звучным бегают струнам:
Взор черноогненный, отверзтый,
Как молния вослед громам,
Блестает, жжет и поражает <...> (I, 366).

Темпераментной «арфисткой», похожей на музу Эрато, предстает древнегреческая поэтесса Сафо. «Нежную власть» любви «изображают» «протяжные и тихи звуки» ее арфы, а ревность — «громчайши гласы», подобные громам («Сафе», 1794). Называя в одной из своих последних од «пылкую» Сафо «северных стран Полигимнией», поэт вспоминает ее «сладкозвучную» арфу, «струны золотые» которой, «молнии в души бросая», «громами тихо гремя», «грудь раздробляют» его (III, 233).

Образ арфы в поэзии Державина связан не только с античной, но и с библейской традицией. Во многих духовных одах поэта звучит арфа библейского царя Давида. Она не менее сильна, чем арфы античных богов и героев. В оратории «Целение Саула» (1809), созданной в «подражание Бровну»², Давид «болезни тяжкие бряцаньем струн целит», «без робости играет, ланиты правдою горят»:

Под взором блещущим вслед скачущим перстам
По арфе огонь бежит, сверкая по струнам (III, 22).

Здесь мы не только слышим арфу, но видим портрет вдохновенного исполнителя.

Арфа незримо присутствует во всех переложенных Державиным псалмах Давида, иногда она становится в них «зримым» образом. В оде «Радость о правосудии» (1794), «почерпнутой из 74 псалма», песнопевец обращается к Господу с такими словами:

От арфы радость да прольется
В хваление Тебе, мой Бог! (I, 597).

В «Проповеди» (псалом 91), прославляющей величие и справедливость Бога, каждая строфа заканчивается рефреном:

И Ему от арфы сладкострунной
Мой да раздается гром (II, 672–673).

Герой оды «Проблеск», написанной Державиным в подражание немецкому поэту Козегартену, размышляя о загробном блаженстве, мечтает «Творцу хваленье на арфе возгласить в кругу Божеств» (III, 80).

Быть может, самым главным «арфистом» в поэзии Державина был «вдохновенный северный скальд» или бард, в образе которого поэт нередко изображал себя.

Энергично звучит его арфа в оде «Эхо» (1811):

Касаюсь струн, — и гром за громом
От перстов с арфы в слух летит,
Шумит, бушует долом, бором,
В мгле шепчет с тишиной и спит;
Но вдруг, отдавшись от холма,
Возвратным грохотаньем грома,
Гремит и удивляет мир:
Так век бессмертно эхо лир (III, 92–93).

Совсем иную тональность арфы слышим мы в рассказе «седого Волхова» о своем барде («Волхов Кубре», 1804):

И бард мой с арфой ветхострунной
Хоть, сидя на холму, поет,
Но, представляя вечер лунной,
Он тихий голос издает (II, 485).

Вслед за поэтом современники называли его бессмертным Бардом севера, видели в нем наследника «золотой арфы» Оссиана³. Из скандинавской мифологии и поэзии великого шотландца Державин знал, что «у северных народов было обыкновение торжествовать их победы под звуком арф при зажженных дубах, где и пили они круговую чашу» (III, 674). С такой картины начинается ода «На победы в Италии» (1799):

Ударь во серебряный, священный,
Далеко-звонкий, Валка! щит:
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище бардов восшумит... —
Встают. — Сто арф звучат струнами;
Под ними сто дубов горят;
От чаши круговой зарями
Седые чела в тме блестят (II, 272–273)⁴.

В Валкале («рае скандинавов») могут звучать, подобно шепоту морского камыша или журчанию ручья «в ветреноватый час, час лунный», «тихострунные арфы», которые навевают «дреманье и покой». Их слышит героиня «пьесы» «Обитель Добрады» (1808), иносказательно рассказывающей о жизни императрицы Марии Федоровны в Павловске.

В ветреную ночь, при луне и звуке арф происходит у Державина и действие «Пролога на рождение в Севере порфиородного отрока <...>» (1799), написанного «на случай разрешения» от бремени великой княгини Елизаветы Алексеевны⁵.

В конце XVIII — начале XIX века арфа стала модным инструментом. На ней, проявляя утонченный вкус, играли многие красавицы того времени. Одной из них была Марья Львовна Нарышкина, восторгавшая Державина. К ней поэт обращается в оде «К Евтерпе» (1789), созданной в связи с предполагавшимся сватовством Г. А. Потемкина:

Пой, Евтерпа молодая!
В струны арфы ударяй!
Ты, поколь весна младая,
Пой, пляши и восклицай (III, 303–304).

«Звончатая» арфа Марьи Львовны в оде «Анакреон у печки» (1795) заставляя купидона порхать резвее, от его стрел поэт опасается согреть, «как бабочка от свечки». В год появления этой оды Державин женится вторым браком на Дарье Алексеевне Дьяковой, которая тоже не-

плохо играла на арфе. Сохранился ее акварельный портрет с арфой, тогда же созданный⁶.

Самой талантливой арфисткой в семейном кругу поэта была двоюродная сестра его супруги Пелагея Михайловна Бакунина, подолгу у нее гостившая. Она нередко «утешала» домочадцев своей игрой на «звучной» арфе. Об этом поэт упоминает в оде «Параше» (1798), героине которой адресует такие строки:

Ты, которой повторяет
Звучну арфу нежный глас,
Как Палаша ударяет в струны,
Утешая нас (II, 185–186).

Пелагее Михайловне Бакуниной мы обязаны появлением гениальной оды Державина «Арфа» (1798), пронизанной любовью к родной Казани и тоской по родине. Эти чувства будит арфа, звучание которой поэт описывает, используя целый ряд сравнений;

Не в летний ль знойный день прохладный ветерок
В легчайшем сне на грудь мою приятно дует?
Не в злаке ли журчит хрустальный ручеек?
Иль милая в тени древес меня целует?
Нет! арфу слышу я: ее волшебный звук,
На розах дремлющий, согласьем тихострунным
Как эхо мне вдали щекочет нежно слух,
Иль шумом будит вдруг вблизи меня перунным (II, 189–190).

О Палашиной игре на арфе поэт тоскует в «написанной в шутку» оде «На разлуку» (1801) по случаю отъезда свояченицы.

Молодые домочадцы Державиных тоже были поклонниками арфы. Младшая племянница Дарьи Алексеевны Прасковья Николаевна Львова вспоминает о жизни поэта в Званке: «Часто прекрасная погода прерывала наше чтение и приглашала выйти из гостиной и сесть на ступеньках. Зная, что ему доставляло удовольствие слышать, как мы с Александриной⁷ поем, я брала арфу и мы пели вместе *Вошед в шалаш мой торопливо*⁸, и он одновременно восхищался природой, спокойствием Волхова, в котором, как в зеркале, повторялся окружающий пейзаж, или считал на пальцах стопы стихов, которые сочинял в это время»⁹. Как видим, арфа помогала Державину писать. С нею он представлял свою Музу, к которой обращался со словами:

Строй, Муза, арфу золотую (II, 56).

В ярком, многогранном образе арфы в поэзии Державина нашли отражение мифологическое, библейское начало, современная поэту музыкальная культура и реальные детали его домашней жизни.

Примечания

¹ О значении музыки в творчестве Державина см.: *Ларкович Д. В.* Г. Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания. Екатеринбург, 2011. С. 155–186.

² *John Brown (1715–1765)*. «Сочинение, которому подражал Броун, носит в подлиннике заглавие: “The cure of Saul, a sacred ode” и напечатано к книге того же Броуна: “A dissertation on the rise, union and power etc. Of poetry and music” («Исследование о происхождении, связи и могуществе поэзии и музыки») (III, 13, примеч. Я. Грота).

³ См., напр.: *Ф. Ф.* Тень Оссиана // Муза. 1796. Ч. II. Май. С. 167–168. О традициях Оссиана в творчестве Г. Р. Державина см.: *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе. Конец XVIII — первая треть XIX века. Л., 1980. С. 35–38.

⁴ В «Объяснениях» на свои сочинения Державин писал: «Древние северные народы или Варяго-Руссы возвещали войну и собирались на оную по ударению в щит. А Валками назывались у них военные девы или музы» (III, 674).

⁵ Как известно, императрица 17 мая 1799 г. родила великую княжну Марию Александровну (скончалась 27 июля 1800 г.). В ожидании этого события Державин заготовил два пролога, которые «не были представлены ко двору». См. о них: *Демин А. О.* К изучению «Северных прологов» Г. Р. Державина // Русская литература. 2004. № 2. С. 135–137.

⁶ Хранится в Национальном музее Татарстана.

⁷ Дочерью брата Дарьи Алексеевны Н. А. Дьякова.

⁸ Строки из стихотворения Г. Р. Державина «Мечта» (1794), использованного Н. А. Львовым в пастушьей опере «Милет и Милета».

⁹ *Львова П. Н.* Записки / публ. Е. Д. Кукушкиной // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 276.